

Leon Dierx

LAZARE

A Leconte de Lisle

A la voix de Jésus Lazare s'éveilla.
Livide, il se dressa debout dans les ténèbres;
Il sortit tressaillant dans ses langes funèbres,
Puis, tout droit devant lui, grave et seul s'en alla.

Seul et grave, il marcha depuis lors dans la ville,
Comme cherchant quelqu'un qu'il ne retrouvait pas;
Et se heurtant partout, à chacun de ses pas,
Aux choses de la vie, à la plèbe servile.

Sous son front reluisant de la pâleur des morts,
Ses yeux ne dardaient pas d'éclairs; et ses prunelles,
Comme au ressouvenir des splendeurs éternelles,
Semblaient ne pas pouvoir regarder au dehors.

Il allait, chancelant comme un enfant, lugubre
Comme un fou. Devant lui la foule s'entr'ouvrait.
Nul n'osant lui parler, au hasard il errait,
Tel qu'un homme étouffant dans un air insalubre.

Ne comprenant plus rien au vil bourdonnement
De la terre; abîmé dans son rêve indicible;
Lui-même épouvanté de son secret terrible,
Il venait et partait silencieusement.

Parfois, il frissonnait, comme pris de la fièvre;
Et comme pour parler, il étendait la main:
Mais le mot inconnu du dernier lendemain,
Un invisible doigt l'arrêtait sur sa lèvre.

Dans Béthanie, alors, partout, jeunes et vieux
Eurent peur de cet homme; il passait seul et grave;
Et le sang se figeait aux veines du plus brave,
Devant la vague horreur qui nageait dans ses yeux.

Ah! Qui dira jamais ton étrange supplice,
Revenant du sépulcre où tous étaient restés!
Qui revivais encor! traînant dans les cités
Ton linceul à tes flancs serré comme un cilice.

Pâle ressuscité qu'avaient mordu les vers,
Pouvais-tu te reprendre aux soucis de ce monde?
O toi! qui rapportais dans ta stupeur profonde,
La science interdite à l'avidité univers!

La mort eut-elle à peine au jour rendu sa proie,
Dans l'ombre tu rentras, spectre mystérieux,
Passant calme à travers les peuples furieux,
Et ne connaissant plus leur douleur ni leur joie.

Dans ta seconde vie, insensible et muet,
Tu ne laissas chez eux qu'un souvenir sans trace.
As-tu subi deux fois l'étreinte qui terrasse,
Pour regagner l'azur qui vers toi reflueit?

– Oh! Que de fois, à l'heure où l'ombre emplit l'espace,
Loin des vivants, dressant sur le fond d'or du ciel
Ta grande forme aux bras levés vers l'Éternel;
Appelant par son nom l'ange attardé qui passe;

Que de fois l'on te vit dans les gazons épais,
Seul et grave, rôder autour des cimetières,
Enviant tous ces morts, qui dans leurs lits de pierres
Un jour s'étaient couchés pour n'en sortir jamais!

Леон Дьеркс (пер. Евг. Деген)

ЛАЗАРЬ

...И Лазарь ожил вновь на мощный зов Христа.
Из тьмы пещеры он поднялся, бледнолицый,
И, в складках путаясь широкой плащаницы,
Шёл прямо пред собой, один, сомкнув уста.

Сомкнув уста, один, по городу он бродит,
И спотыкаются нетвёрдые стопы,
Чужд мелочей земных и пошлых чувств толпы,
Всё что-то ищет он, чего-то не находит.

Белеет мертвенно восковое чело;
Зрачками тусклыми блуждающее око;
Припоминая блеск иной красы далёкой
Не видит прах земли и будто вновь ушло.

Издалека пред ним безмолвно расступаясь,
Народ заговорить не смет даже с ним.
Жестоким бесом он как будто одержим,
Ступает наугад, в бессильи задыхаясь.

Забыв ничтожный смысл всей суеты земли,
В бреду, который здесь живым очам неведом
И сам испуганный ужасным этим бредом,
Он молча приходил и исчезал вдали.

Порою, весь дрожа, протягивал он руки,
Для слова вещего был рот его отверст,
Но вновь смыкал уста какой-то грозный перст, —
Иного мира тайн не выдавали звуки.

И все в Вифании тогда, и стар и мал,
Боялись страшного пришельца из могилы,
У самых храбрых страх спирал тисками жилы,
Когда свой взгляд слепой на них он подымал.

Кто выразит тоску того, кто край покинул,
Откуда всем другим вовек возврата нет,
Кто саван свой опять влачит на белый свет
И тяжкий камень прочь от гроба отодвинул!

Труп, воскресением отнятый у червей,
Он мог ли вновь войти в жизнь суеты постылой,
Когда в его глазах испуганных светило
То, что не может знать пылливый ум людей?

И бледный день едва открыл слепые вежды,
Их ночь объяла вновь. Загадочный пришлец,
К борьбе людских страстей он глух был, как мертвец,
Их горя он не знал и не давал надежды

Вторичной жизни круг свершив, как бы во сне,
Оставил имя он, но памяти не кинул.
Ужель смертельных мук вторично он не минул,
И цену заплатил за вечный мир вдвойне?

О, сколько раз бродя один пустынным местом,
На фоне сумерек чернея, как пятно,
На небо к ангелу, желанному давно,
Он руки простирал с молящим, скорбным жестом.

О, сколько раз, в тоске, минуя города,
На тёмных кладбищах бродил он одиноко,
Завидуя всем тем, что спят в земле глубоко
И не поднимутся оттуда никогда.

Леон Дьеркс (пер. В. Я. Брюсов)

ЛАЗАРЬ

И мёртвый Лазарь встал на Иисусов глас,
Весь бледный, встал во тьме своей глухой гробницы
И вышел вон, дрожа, не подымая глаз,
Один и строг, пошёл по улицам столицы.

Пошёл, один и строг, весь в саване, вперёд,
И стал бродить с тех пор, как бы ища кого-то,
Встречая на пути приниженный народ
И сталкиваясь вновь то с торгом, то с заботой.

Был бледен лоб его, как лоб у мертвеца,
И не было огня в его глазах; темнели
Его зрачки, храня блаженство без конца,
Которое они, за гранью дней, узрели.

Качаясь, проходил он, как дитя; угрюм,
Как сумасшедший. Все пред мёртвым расступались;
И с ним не говорил никто. Исполнен дум,
Он был подобен тем, кто в бездне задыхались.

Пустые ропоты земного бытия
Он воспринять не мог; мечтою несказанной
Охвачен, тайну тайн в своей душе тая,
По миру проходил он, одинокий, странный.

По временам дрожал, как в лихорадке, он;
Как будто, чтоб сказать, вдруг простирал он руку, –
Но неземным перстом был голос заграждён,
И он молчал, в очах тая немую муку.

И все в Вифании, ребёнок и старик,
Боялися его; он, одинокий, строгий,
Внушал всем смутный страх; его завидя лик
Таинственный, смельчак спешил сойти с дороги.

А! кто расскажет нам страданья долгих дней
Того, кто к нам пришёл из сумрака могилы!
Кто дважды жизнь познал, влача среди полей
На бёдрах саван свой, торжественно-унылый!

Мертвец, изведавший червей укусы! ты
Был в силах ли принять заботы жизни брэнной!
Ты, приносивший нам из вечной темноты
То знанье, что вовек запретно для вселенной!

Лишь только отдала свою добычу смерть,
Ты странной тенью стал, сын непонятной доли!
И шёл ты меж людьми, смотря без слёз на твердь,
Не ведая в душе ни радости, ни боли.

Живя вторично, ты, бесчувствен, мрачен, нем,
Оставил меж людьми одно воспоминанье
Бесследное. Ужель ты дважды жил затем,
Чтоб дважды увидеть бессмертное сиянье?

О сколько раз в часы, когда ложится ночь,
Вдали от всех живых, ввысь руки простирая,
Ты к ангелу взывал, кто нас уводит прочь
Из жизни сумрачной к великим далям рая!

Как часто ты бродил по кладбищам пустым,
Один и строг, в тоске бесплодного томленья,
Завидуя тому, под камнем гробовым
Кто безмятежно спит, не ведав воскресенья.

Леон Дьеркс (пер. В. М. Корман)

ЛАЗАРЬ

Посвящается Леконту де Лилю

Вняв голосу Христа, был Лазарь пробуждён,
поднялся в темноте, едва пришёл в сознание,
и, весь дрожа, в своём могильном одеянье
пошёл на свет один и, мрачный, вышел вон.

Так, мрачный и один, лишившийся покоя,
как в поиске слепом, едва попал на свет,
то он заденет вдруг какой-нибудь предмет,
то слепо налетит на скопище людское.

Глаза глядели внутрь, не видя, что вокруг,
и молний никаких при встречах не метали.
В зрачках был только блеск потусторонней дали,
на мертвенном лице – лишь бледность и испуг.

Он плёлся, как дитя, ступая еле-еле.
Как лёгочный больной, как в тяжкой духоте.
Ему везде проход давали в тесноте.
Он, будто без ума, в молчанье брёл без цели.

Он больше не внимал трагедиям земли,
погрязнувши в своём волнующем сюжете,
в открывшемся ему немыслимом секрете.
Мятущие людей волнения ушли.

В пути его трясла дурная лихорадка.
Он руку простирал, казалось, неспроста –
но некая рука заклеила уста,
и все его слова пропали без остатка.

В Вифании теперь любой, и стар, и млад,
при виде Лазаря невольно жался к стенам,
и в людях стыла кровь, текущая по венам,
и ужас в них вселял его неясный взгляд.

Кто может рассказать, какая боль родится
в ожившем мертвце, оставившем других,
когда он выйдет в путь, смущая всех живых,
не снявши саван свой, подобный власянице?

Ушедший от червей, восстав из мертвецов!
Ты сможешь ли опять войти в дневную злобу,
познавши наяву глубокий ужас гроба,
весь тайный смысл наук всемирных мудрецов?

У смерти не навек ушёл ты из под власти.
Ты, призраком, назад, вернёшься в тот же мрак,
пробившись сквозь толпу встревоженных зевак
и не вникая в их веселье и несчастье.

Живя вдругорядь, ты, бесстрастный и немой,
не вызовешь потом в других воспоминаний
и больше никогда не будешь знать терзаний,
ни радостей, ни мук от новых встреч с зарёй.

Ах! Сколько раз с тех пор, стучась в небесный щит,
в закатной красоте, в воздушном океане,
твой скорбный силуэт, вытягивает длани,
и ангела зовёт, который не спешит!

И сколько раз с тех пор видали на лугах,
как, мрачен и один, ты бродишь у погоста,
завидуя всем тем, кто лёг легко и просто
и раз и навсегда оставил там свой прах.